

чено. Последнее, по мнению авторов книги, хорошо сохранилось в хеттском (глаголы на *-mi/глаголы на *-hi).

Анализируя формы актантов в связи с выделенными типами глаголов, авторы приходят к выводу, что протоиндоевропейский был, подобно некоторым современным америндейским языкам (группы на-дене, сну, тули-гуарани), языком *активного*, т. е. не «аккузативного» и не «эргативного» типа, и что он стал аккузативным языком в более позднее время.

Идея об исконно бинарном противопоставлении в системе и.-е. глагола не нова, но сопоставление ее с системой импш осуществлено впервые. Тем не менее нельзя не признать отнесение праиндоевропейского к языкам «активного» типа слишком смелым. Не говоря уже о том, что языки, в которых этот тип представлен, весьма редки, следует отметить, что постулируемая авторами строго бинарная оппозиция едва ли могла быть источником смешанных структур. Кроме того, авторов как будто бы затрудняет деление глаголов на атематические и тематические, причем последние они считают позднейшей инновацией, связанной с развитием видовых противопоставлений. Природа видовых противопоставлений не уточняется. Подчеркнем, наконец, что тесное

семантическое взаимодействие перфекта и медиума не проявляется различий в их образовании. Представляется, что данные, позволяющие установить относительную хронологию парадигм на *-mi и на *-o или хронологию перфектных и медиальных форм, отсутствуют. Предположение Ф. Балер, в соответствии с которым исконно существовала оппозиция между активным типом (*-ti) и медиальным типом (*-e), из которого развился тип тематический, не принимается во внимание. То же касается точки зрения Вл. Георгиева о существовании тройного аспектуального противопоставления длительное ~ точечное ~ результативное. Происхождение индоевропейских глагольных категорий таит в себе еще много тайн, и теория Гамкрелидзе — Иванова, как бы интересна она ни была, не исчерпывает дискуссии.

Вопросы, затронутые в настоящей рецензии, составляют, разумеется, лишь малую часть всех проблем, связанных с фактами, гипотезами и материалами этой книги, которая обещает стать самым значительным трудом по индоевропеистике второй половины XX в.

Фёйе Ж.

Перевела с французского Гульга О. А.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. ХСVI + 1328 с.

Приступая к общей характеристике фундаментального труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, следует, вероятно, подчеркнуть, что это прежде всего негравитальная во всех отношениях работа, посвященная проблемным вопросам современной индоевропеистики. Многогранность обсуждаемой в ней проблематики и новизна многих авторских решений позволяют не сомневаться в том, что она окажет активное стимулирующее воздействие на развитие всего сравнительного — в широком смысле слова — языкознания, независимо от отношения к ней тех или иных исследователей. Вряд ли будет ошибкой сказать, что в этом труде содержится в какой-то степени итог более чем тридцатилетней работы ее авторов в области теории и истории языка.

«Настоящая книга, — отмечают авторы, — излагает результаты наших сравнительных исследований по индоевро-

пейским языкам и реконструкции праиндоевропейского языкового состояния, из которого и выводятся исторические индоевропейские языки. При этом праиндоевропейская система рассматривается в типологическом сопоставлении с другими языковыми системами, в особенности с системами смежных географических ареалов, с которыми праиндоевропейская система должна была находиться в определенных отношениях в течение длительного периода» (с. IX). Вместе с тем языковые данные исследуются «в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры» (там же), что делает значение работы выходящим далеко за пределы собственно языковедческой проблематики. Путь исследования от языка к обществу обозначается самой композицией книги.

В первой ее части (с. 1—428), рассматриваются ключевые вопросы прежде всего фонологической и морфологичес-

кой структуры индоевропейского языка, а также характерные процессы, представившие суть последующего развития прасистемы в различных индоевропейских микросемьях и конкретных языках. Здесь же предпринимается типологическое сопоставление праиндоевропейского состояния с другими, неиндоевропейскими языковыми системами и намечаются его ареальные характеристики — как в плане изоглосс внутри самой индоевропейской общности, так и в аспекте ее внешних контактов.

Вторая часть делится на два раздела. Первый — «Семантический словарь общиндоевропейского языка» (с. 465—855) содержит анализ реконструируемой общиндоевропейской лексики — прежде всего той, которая отражает окружающий мир и представления людей, материальную и духовную культуру эпохи. Второй ее раздел — «Хронология общиндоевропейского языка. Проблема индоевропейской „прародины“ и пути миграций индоевропейских племен в исторические области расселения» (с. 856—957) — посвящен сопоставлению реконструированных праязыка и протокультуры индоевропейцев с предположительным временем и местом их существования. Авторы определяют соответствующую эпоху временем пятого или, во всяком случае, не позднее четвертого тысячелетия до н. э., а ареал — как зону Средиземноморья и Передней Азии, т. е. пространство от Балкан до Ближнего Востока и Закавказья, вплоть до Иранского плоскогорья и Южной Туркмении. Высказываются также предположения о времени и путях миграции носителей древних индоевропейских диалектов при их распространении с предполагаемой прародины на места исторически зафиксированного бытования. Этот раздел во многом суммирует предшествующее изложение, вводя обе реконструированные прасистемы — лингвистическую и культурную — в контекст реального мира и прослеживая затем судьбу в нем языков и культур, продолжающих эти прасистемы.

Помимо исследовательской части, книга содержит продуманную систему вспомогательных разделов. Собственно исследованию предпослано краткое авторское предисловие, знакомящее читателя с задачами и структурой книги, предисловие Р. Якобсона, обзор древнеписьменных источников и принятый справочный аппарат. Предваряет основную часть вводная теоретическая глава «Языковая система и предпосылки диахронической лингвистики» (с. LXXIII—XCVI). В небольшом послесловии к книге дается обзор работ, вышедших в

основном уже по завершении подготовки книги к печати, и авторская реакция на содержащиеся в них идеи. Завершают книгу: обширная, тщательно подобранная библиография (с. 971—1113), указатели (сост. Н. А. Джавахишвили, с. 1115—1316), а также отдельные исправления и дополнения (с. 1317—1328).

Особенностью труда является то, что он не представляет собой индоевропейской грамматики традиционного типа. Решающее внимание в нем уделено аспекту исследования, который можно определить как «объяснительный»: при характеристике наиболее архаичного состояния общиндоевропейского языка и его последующих преобразований авторы излагают материал, исходя из его системной организованности в синхронии и из причинных связей процессов трансформаций — в диахронии. Выявление содержательного ядра в организации праязыковой системы и в причинах ее преобразований делает авторскую интерпретацию исторического процесса особенно убедительной. Тем самым труд оказывается результатом органического синтеза достижений традиционной компаративистики и содержательно ориентированной типологии. Авторская позиция ощущается здесь в каждом параграфе, а высокий удельный вес новых идей авторов позволяет говорить об их работе как о подлинно новаторской.

Для раскрытия последней качества книги достаточно выделить ее несколько ключевых по своей значимости пунктов. Так, в итоге радикального пересмотра традиционной концепции праиндоевропейской фонологической системы, и в частности, подсистемы консонантизма, авторы сформулировали принципиально новую его теорию, получившую в мировой компаративистике название «глутальной». В ее свете заново интерпретирована система трех коррелирующих серий смычных согласных фонем праиндоевропейского состояния (с. 5 и сл.). Суть ее, концептивно отраженная и в более ранних работах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (см. [1—4]), состоит в следующем. Постулировавшаяся традиционной система трех серий смычных согласных [I — звонкие простые *d, g* (но практически без *b*), II — звонкие придыхательные *bh, dh, gh*, III — глухие (простые) *p, t, k*] не находила типологической поддержки в закономерностях организации фонемной парадигматики в других языках, — как в плане наличия серии звонких придыхательных фонем при отсутствии глухих придыхательных, так и в отношении ущербной представленности или отсутствия *b* (при наличии *bh, p*). Авто-

ры реинтерпретировали эту трюичную систему, трактуя все три серии иначе: I — невзвонкие глоттализированные t^h , K^h (о последнем см. также ниже; p^h встречается редко или отсутствует), II — звонкие, III — глухие, с реализацией двух последних в виде придыхательных и непридыхательных аллофонов (типа d^h / d и t^h / t соответственно).

Такая интерпретация, согласующаяся с многочисленными аналогиями в других языках и соответствующая статистически наиболее вероятным структурным закономерностям строения фонологических систем, позволила, в свою очередь, по-новому взглянуть на соотношение архаизмов и инноваций в различных ветвях индоевропейской языковой семьи. В частности, в германской, армянской и, возможно, хетто-лувийской системах рефлексы трех серий смычных оказались наиболее близки к их индоевропейским прототипам. Особенно показательно в этом плане отражение согласных I серии как невзвонких, имеющее, кстати, типологическую поддержку в диалектах удинского и лезгинского языков, где глоттализированные при дезабруптивации переходят в «простые» глухие [5—6]. Глухая реализация согласных I серии сохранялась и в древних индоиранских диалектах на морфемных швах в эпоху действия «закона Бартоломе» в качестве следствия одного из его правил (см. с. 32 и сл.). Серии II и III уже в диалектах общиндоевропейского состояния допускали, помимо неаспирированной и аспирированной, также спирантную артикуляцию согласных — в качестве одного из способов презентации аспирированных вариантов. Этот старый — спирантный — тип реализации и возобладал в прагерманском (с. 36) ¹.

Существенными представляются уточнения, внесенные авторами в проблему локальных рядов согласных; в книге (с. 85 и сл.) получена поддержка и дальнейшее развитие теория трех рядов раннеиндоевропейских «гуттуральных»:

¹ Спирантная реализация аспирированных возобладала и в части диалектов общиранского состояния: спирантность аспирированных II (звонкой) серии (охватившая затем все звонкие согласные, включая озвончившиеся I серии) в восточной группе диалектов и спирантность аспирированных III (глухой) серии, — в основном, в западной (подробнее [7, с. 24—26, 213—214]). При этом в позиции после $*\#s-$ фонемами III серии в общиранском реализовались без придыхания (по типу $*sp-$, см. [8]), в отличие от древнеиндийского, где унифицировался тип $sph-$.

велярного, лабиовелярного и палатального (т. е. $K^h = k^h, k^h, \hat{k}$ и т. д.) и выдвинута интересная идея о наличии также трех фонем-сбилянтов с теми же резонансными признаками ($*s, *s^o, *s^h$). Реконструируются для этого периода, кроме того, и поствелярные (вульгарные) $*q^h, *q^h$. Все эти ряды прослеживаются в виде их закономерных рефлексов в разных индоевропейских языках и находят свои типологические параллели (в том числе в живых индоиранских языках, см. [9—10]). Предпологаемые авторами для той же эпохи лабиализованные дентальные $*t^o, *d^h, *t^h$ типологически вполне встроены [11], однако их дальнейшее развитие указывает на то, что это были скорее сочетания согласных с сонантом $*[u]$ в виде CS или даже CSS (типа $*du, *duq$, ср. с. 195—197), а их сращения (типа $*dq, *tq > b > w, v$) — вторичны и проходят по разным языкам в различных условиях.

В разделах о системе гласных и сонантов (с. 152—214) рассмотрены практически все проблемы этого цикла. Существенным представляется, в частности, положение о том, что вокализация $*m, *g$ в виде $*a$ была свойственна тем диалектам (предкам индоиранских языков и греческого), в которых [i] и [u] еще не входили на том этапе в систему гласных фонем, а представляли слоговые варианты сонантов (с. 199). Для истории иранских языков, например, это положение существенно еще и потому, что здесь вокализация $*m, *g$ проходила через промежуточный этап в виде некоего гласного — переднего ряда либо продвинутого вперед (типа $*[\tilde{a}] \rightarrow [\tilde{a}], [\tilde{a}]$), который до некоторой степени (мнее, чем $*i, *e$) палатализовал предшествовавшие ему гуттуральные, пока не слился с единственной существовавшей к той эпохе гласной фонемой $*a$. Следы этой палатализации сохранились в иранских языках. Возможно, сходный промежуточный этап был пройден и древнеиндийскими диалектами, однако последующее сильное парадигматическое выравнивание (особенно в санскрите) изгладило здесь в большинстве случаев его следы. Ср. авест. *fasaiti* ~ др.-инд. *gacchati* «идет» с продолжениями инд.-ир. $*f\tilde{a} < \text{и.е. } *k^o m-$ (от корня $*gam- < *k^o em-$ «идти»), но авест. *fata-* ~ др.-инд. *hatá-* — причастие на $*-ta-$ с продолжением инд.-ир. $*f\tilde{h}\tilde{a} < \text{и.е. } *g^h \tilde{a} g-$ (от корня $*ghan- < *g^h en-$ «бить, убивать», ср. nasledующие общир. причастия $*jata-$: перс. *zād* «ударил», шугн. *zid*, язг. *zūd* «убил» и т. п.); материалы см. [7, с. 30—31].

Новая концепция трех серий соглас-

ных и уточнение их локальных рядов позволили авторам пересмотреть закономерности фонологической структуры корня в раннем индоевропейском, вследствие чего фонемные ограничения в структуре корня впервые получили непротиворечивое объяснение.

Структуре корня вообще уделено большое внимание в книге (см. с. 215—256), причем именно «глоттальная» теория позволяет объяснить ряд особенностей строения его консонантного костяка. Так, запрет на сочетаемость двух согласных I серии в корне типа SVC-связывается с артикуляционным неудобством последовательности двух глоттализированных (что поддерживается данными многих языков, имеющих эту серию). Согласные каждой из остальных серий совместимы в одном корне, но — для II серии — с разными показателями аспирации. Это дает возможность трактовки «закона Грассмана» не как диахронического правила дезаспирации ранних аспирированных в древнеиндийском и греческом, а как синхронной общеиндоевропейской закономерности распределения в корне придыхательных и непридыхательных аллофонов.

«Глоттальная» теория внесла коррективы и в интерпретацию процессов, происходивших на морфемных швах. Особенно существенна в этом плане реинтерпретация «закона Бартоломея». В свете данной теории становится понятным, почему в греко-арийских диалектах при сочетании корня с исходом на согласную II серии с морфемой, начинающейся согласной III серии, стык морфем реализовался как сочетание непридыхательного с придыхательным (при ассимиляции по звонкости в арийском, по глухости — в греческом и с последующей утратой аспирации). Становится также понятным, почему конечная корневая согласная I серии отражается в этой позиции как глухая (см. с. 32 и сл.). Последовательность согласных в корне и процессы на стыке морфем уточнены в работе и в отношении их локальных рядов (с. 144 и сл.).

В разделе «Анализ грамматической структуры общиндоевропейского языка» (с. 265 и сл.) воссоздана морфосинтаксическая система праяндовропейского состояния и основания ее дальнейшей трансформации в индоевропейских языках. Раскрытая авторами диалектика взаимодействия плана содержания и плана выражения в истории индоевропейских языков позволила им впервые последовательно обосновать принадлежность ранней праяндовропейской системы к языкам активной типологии, с одной стороны, и проследить развитие в ней черт нового, номинативного строя, —

с другой. В книге выделяется несколько хронологических срезов праяндовропейского состояния, наглядно демонстрирующих этот процесс.

Особый интерес представляет разработка авторами синтаксического аспекта грамматики. В посвященных ему параграфах (с. 320—368) содержится фактически ключ к пониманию целого ряда сдвигов в морфологической структуре — как в отношении функций аффиксов и флексий, так и — на более позднем этапе — в плане развития превербов, адвербов, предлогов, послелогов в отдельных индоевропейских языках.

Уточнения в представлениях о начальных этапах дивергенции праязыковой системы (не только индоевропейской, но и праязыковой вообще, что существенно в методическом плане) вносит раздел, посвященный арсальной неоднородности индоевропейского языка. В методическом отношении особенно важны здесь разработанные на большом материале идеи о неодинаковой ценности показаний разноуровневых изоглоссов (с. 369 и сл.) и о хронологической стратификации наиболее существенных (морфологических) изоглоссов (ср. особенно с. 393 и сл.). Справедливое положение авторов о том, что утрата или переосмысление того или иного структурного элемента в разных диалектах не подразумевают их обязательного общего развития (поскольку такие процессы могли протекать в диалектах параллельно), подкрепляется рядом примеров. К одному из них — примеру продолжения в разных языках в функции относительных местоимений одной из двух индоевропейских основ: **ǵo-* или **kʰǵi-* (с. 387), — можно добавить, что утрата второй основы могла быть относительно недавней. Так, в диалектах обшербранского состояния сохранились рефлексы обеих основ. В дальнейшем они продолжались или исчезали в разных праянских языках параллельно, независимо от генетической группировки последних. Ср. относительные местоимения (и наследующие им служебные элементы) из рефлексов **ǵo-* (> ир. **ǵa-*) в небольшой части языков (авест., др.-перс. *ya-*, ср.-перс. *i*) и из рефлексов **kʰǵi-* (> ир. **ǵi-*) в подавляющем большинстве живых и вымерших языков западной и восточной группы. Последняя основа наблюдается в одних языках преимущественно в относительном значении [иногда с переходом их в разряд союзных слов и союзов (например, афг. *ca*, суғи. *ca*, язг. *ǵə*)] или в служебные элементы типа «изафетного» показателя при определяемом перед определенном, например, нарф. *ǵē*], в других — а таких

значительно больше — в вопросительном и относительном (что сочетается с использованием в относительной функции и других вопросительных местоимений, включая вторичные производные, см., например [12—14]). Ср. также сопоставительное употребление *ci-ta* и *ya-ta* в древнеперсидском языке [15].

Разделы, посвященные семантическому словарю общиндоевропейского языка (с. 457 и сл.), представляют самостоятельную ценность. За ними стоит большая и скрупулезная работа авторов — не только в сфере поисков и критического отбора конкретных этимологий, но и классификации лексики по семантическим группам, ее интерпретации и соотношения с историческими реалиями и понятиями. Словарь проливает свет на окружающую природу и характер культуры носителей индоевропейских диалектов. Его разработка, в частности, позволила авторам воссоздать картину окружающей среды, хозяйственного уклада, общественной структуры, духовной жизни индоевропейцев.

В свете реконструированных как языковых, так и неязыковых данных авторы выдвигают концепцию переднеазиатской прародины индоевропейцев, что согласуется с их интерпретацией праиндоевропейской фонологической системы, включающей серию глоттализированных согласных (подобно другим историческим языкам этого ареала), а также с квалификацией индоевропейской культуры как принадлежащей к кругу древних ближневосточных. В пользу этой концепции говорят и обобщенные авторами исследования в области древнего индоевропейско-картвельского и индоевропейско-картвельского языкового взаимодействия.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что в целом труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова является плодом применения современных методов сравнительно-генетического, типологического и ареального исследования к огромному фактическому материалу живых и исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Вместе с некоторыми предшествовавшими публикациями авторов он закрепляет приоритет советской науки в решении одной из наиболее актуальных проблем современного сравнительного языкознания (к сходным выводам относительно «глоттальной» схемы индоевропейского консонантизма пришли в своих недавних публикациях и такие видные компаративисты, как П. Хоппер, Т. Венеман, Ф. Кортландт и др.). Вместе с тем данный труд может служить и ярким свидетельством общего высокого уровня развития, достигнутого советским языкознанием.

Показательно, что концепция авторов уже получила признание со стороны ряда крупнейших представителей современной лингвистической науки (ср. публикации В. Лемана, М. Майрхофера, Э. Поломе, А. Мартине и др.), отмечающих, что труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова по существу открывает новую парадигму в индоевропейском сравнительном языкознании. Очевидным признанием значимости рецензируемой книги явилась также подготовка перевода ее на английский язык в США. Даже в том случае, если дальнейшее развитие науки не подтвердит какие-либо из положений авторов работы, бесспорно, сохранится ее огромная роль в пропаганде отечественной науки, в воспитании кадров языковедов-компаративистов.

Целесообразно отметить, что, помимо высокой собственно исследовательской ценности этого труда, он служит также образцом научной этики: его характеризуют исчерывающая полнота отсылочного аппарата при использовании идей предшественников, а также корректность полемики с оппонентами при рассмотрении дискуссионной проблематики.

В заключение остается еще раз подчеркнуть значение данного труда, стимулирующего разработку целого комплекса исследований историко-лингвистического цикла, — проблематики филиации индоевропейских языков, индоевропейско-картвельских и индоевропейско-семитских контактов, проблемы соотношения истории языка и истории общества и др.

Эдельман Д. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. М., 1972.
2. Gamkrelidze Th. V., Ivanov V. V. Rekonstruktion der indogermanischen Verschlüsse. Vorläufiger Bericht // Phonetica. 1973. 27.
3. Gamkrelidze Th. V. Linguistic typology and Indo-European reconstruction // Linguistic studies offered to J. Greenberg on the occasion of his sixtieth birthday. Saratoga, 1976.
4. Гамкрелидзе Т. В. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция // ИАН СЛЯ. 1977. № 3.
5. Гюльмагомедов А. Г. Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1966. С. 8.

6. *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. С. 78—80, 179—180, 186—189.
7. *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
8. *Эдельман Д. И.* К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ. 1982. № 1. С. 39.
9. *Эдельман Д. И.* К типологии индоевропейских гуттуральных // ИАН СЛЯ. 1973. № 6.
10. *Эдельман Д. И.* Язгулямский язык. М., 1966. С. 14—18.
11. *Захарьин Б. А., Эдельман Д. И.* Язык кашмира. М., 1971. С. 35, 40—41.
12. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 89—90, 205—206, 268, 462—463.
13. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 517.
14. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987. С. 82—83, 312—313, 342, 391, 404, 600, 676.
15. *Szemerényi O.* Iranian studies. I // KZ. 1959. Bd. 76. Hf. 1—2. P. 65—67.

Янина В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М.: Наука, 1986. 312 с.

Рецензируемая книга продолжает публикацию новгородских берестяных грамот в серии «Новгородские грамоты на бересте».

Исследование берестяных грамот, обнаруженных Новгородской археологической экспедицией, позволило по-новому взглянуть на многие моменты социальной, экономической, культурной и лингвистической истории Древней Руси. Рассматриваемый том является в значительной степени итоговим, его резюмирующий характер отразился в исправлениях и дополнениях, относящихся ко всем предшествующим томам. Итоговой является и большая работа А. А. Зализняка «Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения», которой и будет в основном посвящена настоящая рецензия. Конечно, итоги, подведенные этой книгой, не окончательны — новые раскопки приносят новые грамоты, а с ними и новый материал для исторических и лингвистических реконструкций. Однако труд В. Л. Янина и А. А. Зализняка закладывает основы для нового этапа изучения берестяных грамот и с этой точки зрения заслуживает особого внимания. Остановлюсь сначала на издании в целом.

Книга открывается публикацией новгородских (№ 540—614) и старорусской (№ 14) берестяных грамот из раскопок 1977—1983 гг., осуществленной В. Л. Яниным. Публикация снабжена указателем слов, а в приложениях к ней даются надписи на деревянных «счетных» бирках. Одного взгляда на эту публикацию достаточно для того, чтобы увидеть, насколько велик прогресс в чтении и исторической интерпретации берестяных грамот со времени их первой находки.

За истекшие тридцать пять лет накоплен огромный опыт, и это позволяет В. Л. Янину читать и комментировать грамоты почти так, как если бы это была переписка знакомых людей, обстоятельства жизни которых хорошо известны.

Вторая часть книги содержит работы, обобщающие материал всех берестяных грамот, обнаруженных к 1983 г.; она открывается исследованием А. А. Зализняка, подробный разбор которого будет дан ниже. В нем дается описание графико-орфографических систем письменности на бересте, особенностей древненовгородской морфологии и синтаксиса, обнаруживающихся при анализе этой письменности, наблюдения над древненовгородской лексикой. Следующий пространный раздел содержит внесенные А. А. Зализняком «поправки и замечания к чтениям берестяных грамот»: целый ряд грамот заново прочтен, в чтение многих внесены существенные изменения; этот раздел представляет необходимое пособие для всех тех, кто пользуется берестяными грамотами.

Далее в книге даются «Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот» В. Л. Янина. И здесь произведен тщательный пересмотр всего накопленного материала, предложены новые чтения и во многих случаях дан новый исторический и филологический комментарий к тексту грамот. Существенные наблюдения содержатся и в исследовании Е. А. Хелимского «О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах». Завершает книгу составленный А. А. Зализняком «Словоуказатель к берестяным грамотам» (в конденсированном виде он содержит огромную лингвистическую информацию,